

МАГНИТНАЯ АНОМАЛИЯ

«Магнитная аномалия – отклонения значений магнитного поля Земли от его нормальных значений...».

(«Советский энциклопедический словарь»).

ГОРОД КОНТРАСТОВ

В степном Зауралье, у реки Зингейки жили-были единой общиной пятьсот семей. Были они казачьего рода-племени. Еще в году 1843-м, когда прошла пограничная полоса от Орской крепости до реки Уй, поселились их предки здесь, на одном из тридцати военных постов новой линии. Следуя традициям оренбургского казачества, назвали свое поселение Браилвкой – по имени румынского города, бывшей турецкой крепости Браила, которая не единожды покорялась российской армии во время русско-турецкой войны.

Жили мирно: детей поднимали, хлеб растили, скот разводили. Мужики артельно работали на горе Магнитной да санным путем отвозили руду в Белоречк. А то и вовсе отправлялись на край земли – на лесоповалы Забайкалья и в Тургуйские степи. Бывалые люди говорят, где-то на берегу Усури основали наши земляки новую станицу и нарекли ее Браилвкой.

А с началом Магнитостроя до полутора сот браилчан сдвинулись с насиженного места на великую стройку социализма и растаяли, затерялись в людской гуще. Но оставили о себе память – малую Браилвку, которую промез себя звали Родничками, а если официально, поселком Первооктябрьский.

Где она нынче, «магнитогорская Браилвка»? Не всякий найдет, что на такой вопрос ответить. Ни новое, ни старое имя поселка у горожан не на слуху. Первооктябрьский? Это где? Да за тюрьмой! Вот лишь по какому ориентиру можно сегодня отыскать некогда известный поселок.

Да, не тот нынче Первооктябрьский: на три десятка заселенных пока еще дворов – от силы восемь бабулек да два старичка. Остальные – сезонные жилищники. Зимой здесь особенно глухо, дорога в большой мир едва просматривается. Два «общественных» телефона давно уже молчат: один – по причине «злой» неуплаты» (хворь свалила «хранительницу» телефона бабу Нюру, да и денег не могла наскрести), другой – из-за злых охотников за кабелем.

А в нынешнем марте, когда особенно завьюжила зимняя непогода, напомнил о себе затерянный поселок телефонным звонком:

— Редакция? Это Раиса Михайловна вас беспокоит, дачница из Первооктябрьского. Помогите! Дом бабы Маши под самую крышу снегом замело. Ей теперь и до колодца не добраться. Уже неделю сидит снегом арестованная, снежной водой питается. Может, теплично-садовый поможет? Баба Маша полжизни отработала на «Полях орошения». Я туда сама звонила – отзываются. Может, к вам прислушаются?

Звонку руководителю ТСС. Как же, как же – помнят здесь Марию Михайловну Шершову. И уважают очень, и почитают, и про беды поселковые знают. А вот помочь никак – пусть не обессудит баба Маша – ни соларки, ни тракторов, ни вообще свободных рабочих рук нет. А та и не думала строго судить, лишь в окошко поглядывала, да надеялась на добрых людей и тепло соларки. Ничего, мол, дожидь бы до тропинок, дотянуть до лета...

А летом в Первооктябрьском приехавшему ненадолго человеку хорошо. Вроде и город недалеко, а воздух легкий, со степной горчинкой. В будний день тут тихо, захочешь кого отыскать, весь поселок обойдешь – ни одной живой души. Под собачий подворотный аккомпанемент приходит вдруг отчаянная мысль: а тишина-то нехорошая. Детей не слышно, музыки. Глядишь вокруг – домишки по буграм убогие, крыши ветхие, заборы наклонились. Они соседским дачам в кирпичных облицовках – что бельмо в глазу. Упрек не урек, а вроде как напоминание о неминуемой старости.

...Анна Михайловна Мальшева, по-деревенски – баба Нюра, живет как раз напротив магазина. Правда, тот закрыли давно, еще в перестройку.

— Мы с моим стариком там прежде сторожами работали. Да только это уж давно было: почитай, уже двадцатый

год, как и мужа-то моего в живых нет, — баба Нюра рада поговорить — и о своем житье-бытье повспоминать, и за постоялицу свою Тамару походатайствовать. — Первый муж на фронт ушел, а вскоре мальчонка родился, старший мой. Муж погиб, сынишка в четыре года по недугу бабкиному без ноги остался. Все ходила за ним, потому и стаж небольшой имею, и пенсию, значит.

На дворе лето, а у старушек в доме печка потрескивает, похлебку до ума доводит.

— Я бы, доча, тебя попочевала, да ведь откажешься, — тушется бабушка. — Похлебка у нас нынче «из топора» — пшенка, лук да щавель горстка.

А потом выясняется, что «нынешний» обед в этом доме ничем не отличается от давешнего и завтрашнего.

— Я сама-то уже давно не ходок — два инфаркта было. Разве что моя постоялица по-молодецки сходит, да тоже приболела — руки скрутило. Вот и сидим который день без постного масла и хлеба.

«Молоденькая» Тамара Борисовна лишь потому, что моложе бабы Нюры на десяток годков, ей в нынешнем семьдесят исполнится. И надо было такому случиться, что осталась женщина на старости лет без крова над головой. И квартира была, и сорок лет стажа трудового, да сынок жилье по ветру пустил, сам слоняется, и ей, старухе, покоя нет. И вот уже два года, как прибилась она к дому Мальшевых. Обеим удобно: бабе Нюре какой-никакой прибавок к пенсии, сама-то всего 280 рублей получает, и у сироты на старости лет крыша над головой и живой человек рядом. Да здесь такие неприкаемые частенько объявляются. Не к богатым хоромам тянет отверженных, а к землянкам и покосившимся заборам. Вот ведь парадокс какой.

И лишний раз мысль о неизбежности доброты русской подтвердил визит в дом Овсянниковых. Здесь как раз накануне Андрей Тимофеевич и Анна Егоровна золотой юбилей своей свадьбы отпраздновали. Сам-то в поселке считается старожилом, еще в 33-м с отцом здесь землянку справил. А молодую жену привел в нее в сорок девятом. Аннушка сиротой была — отец ее, Егор Никитович, на фронте погиб.

— Мы ведь не любилась, не целовались, — признается «золотая невеста», — наши руки сваты соединили. Я из семьи, где кроме меня еще четверо детей. Да и у него на попечении больной отец был. Не разбежались, друг друга в беде не бросили, троих детей подняли. Да вот беда, сыночка своего, совсем молоденького, уже проводили навсегда.

— Да все бы ничего, — спешит дополнить сказанное женой Андрей Тимофеевич, — хвораем. Наверное, потому что изработались. Я всю жизнь — в УКХ комбината, сама — в агаповском карьере, с сорока пяти на пенсию пошла.

А потом со стариковской обидой сама себе вдогонку: — Вот только объясните, что же это: всю жизнь комбинатским был, а нынче ста рублей дополнительных не полагаются?

На прощание хозяйка потчует печеньем из заветных стариковских закромов: «За наше с дедом здоровье». А приди завтра в этот дом другой гость — прощенный и непрощеный — и опять найдут, чем попочевать, попросту, зато от души...

А может, не все так страшно? Живут себе деды — вода в колодце, огород свой, дети приедут, помогут... Все так. Скажу больше — и не жалуются старики на свою жизнь. Но давайте взглянем вокруг: дворцы вместо домов строятся, а у бабы Нюры не сегодня-завтра крыша обрушится. Магазины богатые повсюду, а баба Тамара уже столько лет за буханкой хлеба вынуждена в любую погоду, по ее же выражению, «кандылать» в даль далекую. В центре города «Мерседесы» да «Вольво», а Анна Егоровна по поселку кружит, чтобы врача мужа вызвать. А речь ведь идет о выходцах из той самой Браилвки, которая и полторы сотни лет назад на страже российских рубежей стояла и которая уже с последней Великой Отечественной семидесяти пяти сыновей не дождалась. Главное, речь о людях, которые и крестьянскому делу были верны, и завод строили, и город поднимали...

Не знали, не ведали они еще десяток лет назад, что их размеренная, со средним по тем временам достатком-жизнь на полном ходу остановится у обрыва, имеющего перестройкой и неким рынком, где товар достается не за заслуги, а за нахрапистость. Куда уж им вписаться в эту жизнь с такими «устаревшими» понятиями? Обманывала, значит, песня, утверждая, что «старикам везде у нас почет». Какой уж почет, если поселок первостроителей Магнитки оказался никому не нужным: в черте города — а ни отопления центрального, ни водопровода, почталдон не каждый день заглянет. Да они ничего этого давно уже не ждуть и не просят. Жившие у истоков своих родовой общины, впитавшие почтение к старикам и сиротам по мудрой закономерности, доживают они свой век, забытые и брошенные, покорно и безропотно. Неправильность это, отклонение от нормы, от общей закономерности. Иначе — аномалия. Верующие сказали бы: нынче вокруг грех творится, так и до беды недалеко, до бури вселенской...

«...Магнитные бури — сильное возмущение магнитного поля Земли, резко нарушающее его плавный суточный ход...».

(«Большая Советская энциклопедия»).

Т. ТРУШНИКОВА.